русский пионер

16+

ISSN 2071-3037

ДеньгиПлюс

№6(106)
декабрь 2021 — январь 2022

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 16

первая четверть

Урок этики. Погружаясь в капсулу. **Дарья Белоусова** о том, что имел в виду Далай-лама стр. 24
Урок уроков. Инженер между Раем и Адом (заготовка к мнимому стендапу). **Лев Хасис** о том, что, если все отнимать у богатых и отдавать бедным, это лишит желания работать и тех и других стр. 28
Прогул уроков. Где-то в Микронезии. **Андрей Макаревич** о незамутненном отношении к деньгам на острове Трук стр. 32
Урок правды. Деньги матери. **Дмитрий Быков** про то, как жить дальше. И деньги тут вообще-то ни при чем стр. 34
Урок труда. Кошмар грузчика. **Марк Гарбер** о ящиках с черешней стр. 38
Урок истории. Но кто же за меня заплатит? **Иосиф Райхельгауз** про деньги, которые пахнут; про солянку мясную, сборную стр. 42
Урок правоведения. Pro bono, или Без денег. **Павел Астахов** о том, что значит «pro bono» стр. 46
Урок географии. Как я потерял в Америке. **Владимир Легойда** закрывает свой сложный гештальт про деньги стр. 52

Урок истории. Время делать лайки. **Владислав Крейнин** о том, какие будут деньги *стр. 56*

вторая четверть

Пионер-герой. В гостях у Петеньки и Катеньки. Корреспондент «РП» встречается с первым рублем *стр. 60*
Следопыт. Одиссея «Капитала». Обозреватель «РП» в Голливуде по делу Сергея Эйзенштейна *стр. 68*
Урок уроков. Риск дешевле денег. **Андрей Шеметов** про то, как жадность побеждает логику *стр. 80*
Открытый урок. Взяты с наличным. **Михаил Матовников** о прощании с наличными *стр. 82*
Урок анатомии. Недодоля. **Андрей Курпатов** о физиологии денег *стр. 88*
Урок труда. Доза окситоцина. **Андрей Шаронов** про локус оценки *стр. 92*
Фотоувеличитель. Курс рубля *стр. 94*

третья четверть

Диктант. Денежность. В тему номера *стр. 110*
Сочинение. Специалист. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 112*

четвертая четверть

Урок мужества. Дело о трехстах. Обозреватель «РП» приступает к делу *стр. 126*
Дневник наблюдений. В Америке с любовью–2. **Иван Соколовский** о деньгах в хаотичном порядке *стр. 134*

группа продленного дня

Правофланговый. Топор и яхта. **Виктор Ерофеев** о крайностях в мире больших денег *стр. 142*
Правофланговая. Беги, Мотя, беги! **Ольга Ускова** про комбайн с искусственным интеллектом и кролика Матвея *стр. 144*
Звеньевой. Стыдные деньги. **Максим Кучеренко** о том, как его заполняло чувство неловкости *стр. 148*
Центровой. Зеленая поляна. **Александр Горбунов** о том, что деньги не стоят мужского поцелуя *стр. 150*
Пионервожатый. Принцип непривязанности. **Кирсан Илюмжинов** про свои первые миллионы *стр. 152*

Отличник. Художественное кормление. **Сергей Баловин** про то, как он зажил, когда отказался от денег *стр. 154*

Знаменосец. Бульварное чтиво. **Игорь Хуциев** о том, из каких бульваров оно складывается *стр. 158*

Отличница. Вовлечение Мадлены. **Лена Фейгин** о том, что делать, когда не помогают даже деньги *стр. 162*

Горнист. Дорогие пузырьки. **Вита Буйвид** о напитке с поточной газацией *стр. 164*

Всегда готово. Котлетки для медитации. Обозреватель «РП» увидел, как готовить овсяные котлетки с луковым дипом *стр. 166*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 175*

Всегда готов!

рисунок из архива: анна всесвятская

Первая четверть.

Урок этики. Погружаясь в капсулу. **Дарья Белоусова** о том, что имел в виду Далай-лама. *Урок уроков.* Инженер между Раем и Адом (заготовка к мнимому стендапу). **Лев Хасис** о том, что, если все отнимать у богатых и отдавать бедным, это лишит желания работать и тех и других. *Прогул уроков.* Где-то в Микронезии. **Андрей Макаревич** о незамутненном отношении к деньгам на острове Трук. *Урок правды.* Деньги матери. **Дмитрий Быков** про то, как жить дальше. И деньги тут вообще-то ни при чем. *Урок труда.* Кошмар грузчика. **Марк Гарбер** о ящиках с черешней. *Урок истории.* Но кто же за меня заплатит? **Иосиф Райхельгауз** про деньги, которые пахнут; про солянку мясную, сборную. *Урок правоведения.* Pro bono, или Без денег. **Павел Астахов** о том, что значит «pro bono». *Урок географии.* Как я потерял в Америке. **Владимир Легойда** закрывает свой сложный гештальт про деньги. *Урок истории.* Время делать лайки. **Владислав Крейнин** о том, какие будут деньги.

евгения парфенова

Погружаясь в капсулу

текст: дарья белоусова рисунок: дарья соломкина

Актриса Дарья Белоусова рассказала очень драматическую историю. Вначале для нее деньги были чем-то несущественным, даже неприличным. Люди были куда важнее. Но по мере того, как разворачивалась жизнь страны, мира и Дарьи, стало ясно: без денег уже никуда. Они важный элемент мироздания, они одна из составных гармонии. Так сказал Далай-лама. А может быть, это была сама автор колонки, это кому как больше нравится.

Я ПОМНЮ... Мне лет шесть. Я стою в проеме двери, соединяющей небольшую кухню с совсем небольшим коридором.

— Дядя Саша, а мама говорит, вы ей надоели!

Вбегает раскрасневшаяся мама, дядя Саша с говорящей гоголевской фамилией Бобылев все еще сидит на топчане около обеденного стола и никак не реагирует. Кажется, он чувствует себя у нас как дома. Да и я, надо сказать, привыкла к дяде Саше. Так давно он у нас обитает, что вроде как уже и свой. А своему уж точно можно говорить правду, подслушанную, когда ночью папа и мама громко выясняли отношения.

Хлопок. Мама вбегает.

— Что ты такое говоришь, Даша? Откуда это у тебя в голове?

А я точно помню это несоответствие: маме действительно надоело, что в нашей однокомнатной уютной хрущобе на Щелчке вдруг поселился дядя Саша — папин однокурсник, которому негде жить. Поселился… и не съезжал. Ну а его никто особенно и не просил. Все же интеллигентные люди. И думали, что дядя Саша, как только у него поправятся дела, обязательно съедет сам. Шел уже второй год его обитания, а дяде Саше было клево: мама очень вкусно готовит, еда всегда есть, вечерами беседы с папой, ночью сон на раскладушке, являющей собой четвертое спальное место в квартире и единственное на кухне.

У мамы кровь хлынула в лицо и окрасила его вишневым цветом.

— Так сдать нас, Даша… — шептала мне этим же вечером мама. — Ну кто тебя просил это говорить? Стыд какой. Сдала нас, как Павлик Морозов.

Через некоторое время дядя Саша Бобылев все-таки съехал — уж не знаю, по причине моей откровенности или по какой-то другой.

А потом, еще через несколько лет, помню растерянного папу и маму на кухне, уже в следующей нашей квартире, двухкомнатной и просторной, на бульварах. Папе ее дали от театра «Ленком» по госсене. И примерно тогда же папа купил одну из первых в театре иномарок —

реклама СБЕР Прайм +

красную Volvo. Она стояла во дворе, папа почти на ней не ездил, а мы каждый раз, выходя из дома, любовались ею, как подлинником древнегреческой скульптуры. До сих пор помню ее до мельчайших подробностей — и цвет, и запах. Потому что она была восьмым чудом света в реалиях тогдашней Москвы.

Так вот оказалось, что папа решил перепродать нашу новую Volvo и выручить за нее приличную сумму. И тогда снова возник дядя Саша Бобылев. Сказал, что у него есть проверенные люди, которые чуть ли не завтра выкупят и быстро рассчитаются и вообще чудо какие душки. Дядя Саша забрал нашу красную Volvo и… исчез. С тех пор мы не видели ни Volvo, ни денег, ни самого дядю Сашу.

Нравственные законы, по которым в то время строилась наша жизнь, да и жизнь многих папиных и маминых друзей, были поистине удивительными. Двери нашего дома были открыты для друзей круглосуточно, можно было и жить сколько хочешь, как это делал дядя Саша, можно было украсть машину, но никто никогда не говорил так много про деньги. Как будто это было неприлично. В этом было что-то стыдное и мелкое, что-то, что опускало собеседника до уровня «деляги». В нашей прокуренной кухне собирался интеллектуальный цвет творческого мира — и разговоры всегда были допоздна, до рассвета, до предела. В них не было случайностей, в них вершились судьбы — Шекспира, Вознесенского, Эфроса, Захарова, Ливанова, Любимова, Пушкина, Цветаевой, моя, мамина, папина и наших друзей. Иногда к нам приезжали папины друзья из Тбилиси Нугзар и Лексо — ох, какой это был для меня праздник: они привозили мне в подарок блок «Баунти» и «Марса». В Москве они только-только начинали появляться, и это было для меня роскошью, круче которой могла быть только встреча Вероники Кастро в аэропорту — она прилетала после успешного проката «Богатые тоже плачут», и вся страна жаждала ее встречать. Меня, правда, не пустили. А я от отчаяния тогда повисла на турнике — он располагался в проходе между коридором и кухней, и если только я на нем висла, пройти никуда было невозможно. Можно было только сидеть в гостиной или спальне. А я усложняла задачу и колотилась в обе стены ногами, чтобы уж точно никто из не пустивших меня к «великой актрисе» не прошел по своим делам.

Мой дедушка тогда получил госпремию в медицине за то, что изобрел лекарство от ящура у коров. И раздал ее всю своим друзьям — тем людям, которые работали у него и вместе с ним. Поделил все поровну, потому что люди всегда важнее.

Когда я уже стала работать в «Современнике», главный вопрос, который интересовал мою бабушку, заключался в словах: ну а люди? Люди как к тебе относятся? Тебя уважают? Я говорила: да. Это самое главное, говорила бабушка. И любые мои рассказы о репетициях, о моих победах или огорчениях, о покупке моей первой машины завершались: люди? Люди-то тебя любят?

Я помню, когда у всей страны не было денег, мама умела сделать из одной курицы три блюда: бульон, кулебяку (это такая штука, когда в остов курицы набивается рис и всякая всячина) и курицу с картофельным пюре. И всегда было много друзей, всегда было весело, и интересно, и сытно. И я вплоть до взрослого состояния не понимала, что у нас их (денег) тогда не было. А мамина подруга, очень известная актриса, занималась секонд-хендом — ей из-за границы привозили разные красивейшие вещи, и мы приходили к ней и, как страусы, ныряли в черные полиэтиленовые мешки, доставая оттуда настоящие «бриллианты» стиля. Это все можно было по блату взять за копейки, и мы примеряли мешками эту красоту (для детей ее было поменьше, но мы не терялись — придумали с мамой «расп…дяйский стиль», который, кстати, я до сих пор обожаю, — когда вещи больше тебя и ты укутываешься в мешок). Это была наша «интеллектуальная» мода, потому что носить обтягон нам всем казалось пошло и лишало индивидуальности, проявления фантазии. Мамина подруга хранила деньги в «супнице», а «супницу» в польской стенке. И мы потом тоже завели такую «супницу». У нас никогда не переполнялись ее края и не появлялось второй, но это было как тайник, как что-то, что знаем только мы, и то, что в нужной ситуации всех обязательно спасет. И нас, и друзей. А потом у нас появился сейф. На Черкизоне можно было достать такую бежевую железную коробку с ключиком и дубликатом. И она стояла у нас в шкафу с одеждой. И это было в моей детской голове прямо как американское кино, которое я мельком видела на vhs-ке у папы.

Я действительно совсем не помню разговоров о деньгах. Помню обсуждение репетиций, помню песни, помню книги, помню романы маминых и папиных друзей, случайным слушателем которых я, в силу своей молчаливости, оказывалась. Помню много любви, так много и так повсюду, что мое сердце расширяется и сейчас, когда я пишу этот текст.

Сегодня, когда я уже нахожусь в тогдашнем возрасте моей мамы, я чувствую, как сильно изменилась мировая парадигма, пространство и воздух. В игре меняются правила. Им надо соответствовать. Хотим мы этого или нет. И это точно не про политику.

Сегодня, когда я уже нахожусь в тогдашнем возрасте моей мамы, я чувствую, как сильно изменилась мировая парадигма, пространство и воздух. В игре меняются правила. Им надо соответствовать.

реклама СБЕР Прайм+

Хотим мы этого или нет. И это точно не про политику. Политика — дело проходящее и сиюминутное и никогда не являлась центром моего внимания и даже информационного поля. Это — про то метафизическое, что выше нас. То, что меняет нам правила игры, и то, что формирует переходный период. Как бы эзотерично это ни звучало. Люди меньше приходят друг к другу домой, предпочитая рестораны, меньше спорят из-за поэзии, но зато больше занимаются саморазвитием, тренингами и… Разговоры о деньгах в новой реальности тоже стали нормальными. Они больше не воспринимаются как пошлость, а воспринимаются как эквивалент свободы и возможностей. Каждый из нас теперь погружается в себя, как в лучшую из существующих капсул, где всего в избытке. Становится нормальным выбирать себя почти во всех жизненных обстоятельствах. Себя, свой комфорт, свое благополучие и свои «ресурсы».

— Ты слышала историю Майка Роуча? — спрашивает меня моя подруга, с которой мы сидим на Бронной в нашем «домашнем» френдс-кафе.

— Нет.

— Он 25 лет проучился в монастыре у Далай-ламы, первый американец, получивший степень Геше, провел три года в молчаливом ретрите в пустыне… а потом, после 25 лет, Далай-лама сказал ему: а теперь иди и стань миллионером.

— А зачем?

— Я там до конца не поняла зачем. Надо изучить.

Интересно, подумала я. Далай-лама — это же все про духовность. Откуда у него могли быть такие слова? А может, это как девять искушений Будды? Может, это как испытание? А может, действительно новый уровень вселенной? Если уж и Далай-лама. Почему он так сделал?

Эта история попала в меня. Через несколько месяцев я поняла, что действительно никогда не задумывалась про деньги. Правда никогда. Я задумалась о них впервые только сейчас… в 38 лет. И, наверное, только Далай-лама мог так убедительно перевернуть мои существующие паттерны.

Я вдруг поняла, что для того, чтобы летать на уикенд в Рим и смотреть Микеланджело, нужно просто иметь эту возможность, чтобы купить любимые английские духи, нужно иметь эту возможность, и, в конце концов, чтобы радовать людей и отдавать миру лучшую версию себя, нужно просто иметь эту возможность.

Всегда раньше я мечтала о чем угодно — быть личностью, быть способной к поступкам, испытать большую любовь, иметь много друзей, быть в центре внимания. Мечтала, чтобы люди, которые со мной встречаются, отмечали мой талант и ум. Мечтала быть человеком, способным совершать крупные поступки. И… я думаю, это сбылось. В полной мере.

Но потом, когда ты перешагиваешь рубеж в 35 и когда духовно и интеллектуально ты перелопатил огромные труды, прошел разные испытания и совершил в жизни ряд действий, которые действительно дают право быть Человеком в том смысле, в котором мечталось тогда, встал вопрос: чтобы свободно существовать, чтобы нести людям то, что ты умеешь и чем ты являешься, мне необходимо то же, что и раньше, — не думать о деньгах. Но в реалиях сегодняшнего времени — не думать о них чуть по-другому, чем тогда. Сегодня, чтобы не думать, их нужно иметь столько, чтобы не думать. Теперь да. Время пришло.

Когда я была маленькой, в Москве никто не был богат: ни ученые, ни писатели, ни артисты, ни все те, кого я любила и на кого равнялась. Богаты были только «пиджаки»/бандосы. Они могли быть умнее или глупее, талантливее или бездарнее, могли помогать или не помогать искусству, но это всегда был один и тот же сегмент людей, что и формировало в нас даже некоторое «презрение». Сегодня, в XXI веке, все изменилось кардинально: я знаю невероятное количество умных, тонких, мыслящих богатых людей. Это перестало быть пошлостью, а стало, напротив, нормой. И сегодня деньги вполне себе монтируются с духовностью и никак ей не противоречат. И, конечно, главным по-прежнему оказывается человек. И только человек — с его выборами, с его поступками, с его сердцем.

Разговоры о деньгах в новой реальности тоже стали нормальными. Они больше не воспринимаются как пошлость, а воспринимаются как эквивалент свободы и возможностей.

Сейчас будто стало совсем ясно, что колесо жизни состоит из нескольких спиц. И лишь равность их дает гармонию. Так вот что имел в виду Далай-лама, когда направлял Роуча в мир. Он точно чувствовал перемену. Он хотел, чтобы тот подарил людям возможность счастья, раскрыл перед ними многооттеночную палитру из возможностей и разрешил выбирать.

Ведь человек создан для счастья. Во всяком случае, для стремления к нему. Только в этом стремлении можно пытаться гармонизировать этот мир. Гармонизировать всем, что ты умеешь, всем, что ты знаешь, и всем тем, как ты проживаешь эту жизнь. Но гармонизировать надо. Изо всех своих сил, потому что становится совершенно ясно, что только в этом случае у человечества будет шанс. *рп*

из архива пресс-службы

Инженер между Раем и Адом

(заготовка к мнимому стендапу)

текст: лев хасис рисунки: мария щербакова-королева

Первый зампред правления Сбербанка Лев Хасис собирает истории, которые про бизнес расскажут больше, чем любой аналитик и эксперт (см. стр. 80–91). Потому что в иронии больше смысла, чем во всем остальном. А в самоиронии — больше, чем в иронии.

ИНОГДА крутятся в уме какие-то обрывки монологов. То ли истории, рассказанные кем-то когда-то. То ли анекдоты, вычитанные где-то или выслушанные где-то. То ли заготовки для стендапа, который еще не состоялся. То ли попытка посмотреть на себя со стороны. На себя, на окружающих. В жизни очень часто возникают ситуации, которые невольно ассоциируются с тем или иным анекдотом или притчей.

Самое главное — не относиться к этим ситуациям, а особенно к самому себе, слишком серьезно, чаще улыбайтесь и будьте готовы к здоровой самоиронии.

Поэтому с самоиронии и начну.

Начальник энергично поучает подчиненного:

— Запомни раз и навсегда: ты не должен принимать решения, полагаясь только на свое мнение. Умный человек всегда во всем сомневается. Только полный дурак может быть твердо уверенным в чем-то.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно!

А вот еще из упражнений в самоиронии.

Человек летит на воздушном шаре и понимает, что заблудился. Он снижает высоту и видит внизу мужчину. Опускает шар еще ниже и кричит:

— Простите! Подскажите, где я?

Мужчина снизу говорит:

— Вы летите на воздушном шаре в пяти метрах над этим полем.

— Вы, наверное, инженер, — говорит воздухоплаватель.

— Да, — отвечает мужчина. — Как вы догадались?

— Легко, — говорит воздухоплаватель. — То, что вы мне сказали, технически правильно, но абсолютно бесполезно. Вы просто отняли у меня время.

реклама
СБЕР Прайм+

— Договорились, — согласился медведь. Ударили по рукам, подписали документы и пошли пшеницу сеять.

Вырастили они пшеницу, мужик вершки себе забрал, продал, сидит, радуется, деньги считает. И вдруг пришел медведь и корешков своих привел…

В отвлеченном виде, в упаковке сказа, как это ни парадоксально, суть видна яснее. Более выпукло, что ли.

Приходит к предпринимателю черт и предлагает сделку:

— Я тебе дам пять миллиардов долларов, пожизненное освобождение от налогов, иммунитет от коронавируса и прочие блага и преференции. А взамен ты должен будешь отдать мне душу твоего главного конкурента после его смерти. Согласен?

— Хм. Нет, не согласен.

— Почему?

— Не могу понять, где подвох.

По сути же это лишь немного осовремененная история про бесплатный сыр.

Или, например, про мотивацию. Мотивация вообще великая вещь. В первую очередь самомотивация человека.

Именно поэтому, если все отнимать у богатых

Мужчина внизу говорит:

— А вы, видимо, топ-менеджер?

— Да, — отвечает воздухоплаватель, — но как вы узнали?

— Легко, — говорит мужчина. — Вы не знаете, где вы есть и куда летите, и обращаетесь ко мне, первому встречному, и ожидаете, что я смогу помочь. Когда я попытался вам помочь, начав с шутки, вы тут же начали меня критиковать. В итоге вы остались в том же неведомом положении, что и до нашей встречи. Но с вашей точки зрения теперь это моя вина.

Иной раз случаются такие ситуации, что и самоирония не спасает. Тогда пригождаются другие приемы смириться с действительностью или даже получать от нее удовольствие. Из сказочного арсенала Салтыкова-Щедрина. Об актуальном — иносказательно.

Решил как-то мужик совместное предприятие с медведем создать.

— Что наше СП делать будет? — спрашивает медведь.

— Давай будем пшеницу выращивать, — отвечает мужик.

— А делить результаты как будем?

— Предлагаю так: мои вершки, твои корешки.

и отдавать бедным, это лишит мотивации работать и тех и других.

О мотивации есть много отличных историй. Например, эта о том, какие интересные бизнес-модели встречаются.

Мальчик заходит в парикмахерскую, и парикмахер шепчет своему клиенту:

— О, это самый тупой ребенок в мире. Смотрите, сейчас я это докажу.

Парикмахер берет в одну руку долларовую купюру, а в другую — монету в 25 центов, затем зовет мальчика и спрашивает:

— Что ты выберешь?

Мальчик берет монетку и уходит.

— Что я говорил? — восклицает парикмахер. — Этот ребенок — идиот.

Позже, когда клиент уже ушел из парикмахерской, он встретил этого же мальчика, выходящего из кафе-мороженого.

— Эй, сынок! Могу я задать тебе вопрос? Почему ты взял монетку вместо доллара?

Мальчик лизнул свое мороженое и ответил:

— Потому что в тот день, когда я возьму доллар, мой бизнес закончится.

Мальчик-то настоящим талантом оказался. Кстати, все мы, руководители, постоянно сталкиваемся с необходимостью подобрать менеджера на ответственную позицию, и как же часто мы назначаем тех, кто лучше подходит по формальным критериям, упуская настоящие кадровые бриллианты. И об этом тоже есть история.

Умирает Наполеон и, оказавшись на том свете, просит сказать ему, кто был величайшим полководцем всех времен и народов.

— Наверное, я? — с надеждой спрашивает он.

Ему отвечают:

— Нет.

— А, наверное, это Александр Македонский?

— Нет.

— Цезарь?

— Нет.

— Неужели Суворов?

— Нет.

И далее Наполеон перечисляет всех известных ему полководцев и слышит неизменное:

— Нет.

— Тогда кто же?

— Вы знаете Поля, кондитера?

— Да, конечно, знаю.

— Так вот, это он.

— Он — величайший полководец? Быть не может. Да он даже в армии не был.

— Да, это так. Но если бы у него был шанс, то он бы стал величайшим полководцем!

Как важно бывает дать человеку шанс.

Ну и в финале — еще из архива самоиронии о том, когда шанс давать не нужно.

Поскольку я не чужд ни финансам, ни праву, а по первому образованию — инженер, то все персонажи в этой истории имеют ко мне некоторое отношение.

Умирает Инженер и попадает в Рай. Через какое-то время Ад договаривается с Раем о временной аренде Инженера для того, чтобы дать шанс Аду сделать там уровень жизни не слишком адским.

Инженер прибывает в Ад и начинает проектировать и создавать улучшения. Постепенно в Аду появились кондиционеры и туалеты, фитнес-клубы, скоростной интернет и так далее. Через какое-то время Рай просит как можно быстрее вернуть Инженера обратно, чтобы Ад по уровню благосостояния не слишком к Раю приблизился.

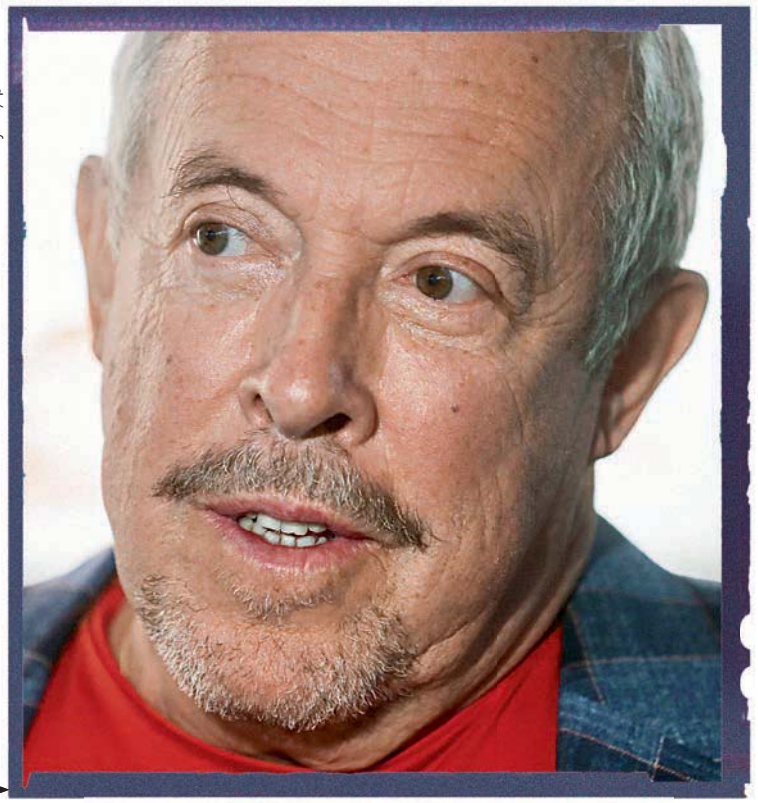
Ад — ни в какую, не хочет отдавать Инженера.

Тогда Рай грозится подать на Ад в суд за нарушение договора.

Ад смеется и отвечает:

— В суд? Легко! У вас же все равно там, в Раю, нет ни юристов для ведения дела, ни банкиров, которые оплатят судебные издержки.

Закончить хочу фразой Карнеги о том, что улыбка ничего не стоит, но много дает. Она обогащает тех, кто ее получает, не обедняя при этом тех, кто ее дарит. Она длится мгновение, а в памяти остается порой навсегда. Мораль: чаще улыбайтесь.

виталий белоусов/ риа новости

Где-то в Микронезии

текст: андрей макаревич рисунок: наташа монастырская

Поэта и музыканта Андрея Макаревича мутит от денег. Но не потому, что у него их так много. Его мутит ото всего, что связано с цифрами. А деньги — это даже не цифры, а фишки, которые надо выиграть… В общем, он объяснит.

МНЕ КАЖЕТСЯ, когда мы говорим «отношение человека к деньгам», мы ставим вопрос однобоко. Вернее было бы говорить об отношениях человека и денег, так как отношения эти, безусловно, двусторонние. Добавлю еще — малоизученные и не подчиняющиеся общепринятой логике. Иногда мне кажется, они сами решают, у кого быть, — не зря говорят про кого-то: «Его деньги любят». Любят они его, как правило, непонятно за что, ибо когда есть за что, это уже не любовь. И не связано это с его прижимистостью или расчетливостью — он бывает расточителен и непрактичен. Он порывается заплатить за всех в ресторане, совершенно не думая о том, сколько у него останется. И вот ничего не осталось, а он весел и спокоен: завтра они снова появятся непонятно откуда.

Я знал таких людей. Это были очень симпатичные люди.

Другой жмется и мелочится, проверяет чеки в магазине, отказывает себе во всем, постоянно пересчитывает все, что накопил, — и ничего не выходит, не копится. А вроде зарабатывает.

При этом я ни разу не видел человека, который не любит денег. То есть он может, конечно, про себя такое говорить. Но возникает это, скорее, как результат неразделенной любви — трудно долго любить на расстоянии. Даже деньги.

Один бизнесмен сказал мне, что в бизнесе понимание денег вообще другое. Деньги — это то, с чем ты ходишь в магазин. Остальные — это фишки для игры. Цель — выиграть все фишки в мире. Задача практически невыполнимая, но достойная.

Никогда бы не смог стать бизнесменом. Меня мутит от цифр.

В годы нашей советской юности понятие денег и кончалось на вот этом «сходить в магазин». Даже если мы возьмем тончайшую прослойку академиков, приправительственных деятелей искусства и расхитителей социалистической собственности — их богатства покажутся нам сегодня смешными. Мечты упирались в триптих «квартира-дача-машина». Часто заканчивались судом. Из трех этих чудес у нашей семьи была только квартира. Нет, мы не бедно жили. Общее полунищее равенство было залогом добрых отношений — ты занимал на работе пятерку до зарплаты, и давали: завтра займут у тебя. Жили, не жаловались.

В девяностые годы я испытал некоторое потрясение: я был убежден, что для того, чтобы стать успешным бизнесменом, необходимо обладать исключительными умственными способностями. Ан нет — недоучившиеся студенты, вчерашние братки вдруг стали бизнесменами: создавали кооперативы, продавали какие-то трубы, варили джинсы в стиральной машине с добавлением керамзита. Покупали малиновые пиджаки и иномарки десятилетней давности. Не унижаясь поисками архитектора, строили загородные дома — причудливые гибриды кремлевских палат и Бутырской тюрьмы. Большинство из них не производило впечатление людей, отягощенных интеллектом. Вот те и раз. (Правда, не сильно умные не сильно далеко и пошли. Но это уже потом.)

Что касается моих отношений с деньгами, я в большой степени фаталист: я верю, что они ко мне нормально относятся. В моем к ним отношении есть, правда, маленькая странность: я могу удавиться за сто рублей, торгуясь на рынке, и при этом легко пережить потерю большой суммы где-то на счету — отношу это к парадоксам психологии. Достаток в моем понимании — это когда, совершая бытовые траты, ты не должен считать, сколько у тебя останется. Однажды прикинул из интереса, много ли уходит на жизнь в месяц — немного. Трачусь на путешествия и иногда на

реклама
СБЕР Прайм+

хорошие гитары — это святое. Ни самолет, ни яхту никогда не хотелось. Поэтому, наверно, и не хватит. И слава богу.

По поводу путешествий — вот вам две истории о незамутненном отношении к деньгам.

Одна — с острова Трук. Это маленький островок в Микронезии. У его берегов в 1943 году американцы затопили целый японский флот — отомстили за Перл-Харбор. Сейчас это вполне туристическое место, а двадцать пять лет назад, когда мы приехали туда, оно было совершенно диким. Две условные гостиницы, местное население — сплошь туземцы, доброжелательные и застенчивые. На нас смотрели как на марсиан. На третий день мы сидели на берегу, ожидая, когда нам забьют аквалангi, и я очень хотел пить. Инфраструктура, позволяющая купить бутылку воды, отсутствовала напрочь. Над нами на пальмах висели заманчивые кокосы, но стряхнуть их не было никакой возможности. Мимо проходил местный парень. Я уже видел, как ловко они взбираются на пальмы, и попросил его достать мне орех. Он моментально связал себе ноги веревкой, взлетел на вершину, сбросил оттуда несколько орехов, спустился, выбрал самый крупный, двумя движениями мачете отрубил ему попку и протянул мне с поклоном, полным достоинства. Я достал из кармана один доллар. Парень отступил на шаг, спрятал руки за спину и с жаром произнес: «Сэр, это не моя пальма. Я не сажал ее. Я не могу взять с вас деньги!» Провожая его взглядом, я с тоской подумал, что пройдет лет десять, сюда повалят туристы, и дело наладится.

Вторая история случилась в Эфиопии. Моя жена периодически водит путешественников по самым диким местам этой страны. В племени хаммеров совсем юный мальчик взялся провести им экскурсию — за это ему было обещано два быка (это около семи центов, если что). Мальчик честно отработал — показал школу, хижины, работающих женщин. Двух быков у жены не нашлось, и она с благодарностью протянула ему бумажку в десять быков. Вопреки ожиданиям, мальчик разрыдался. После разбирательства с участием старейшин недоразумение было улажено. Оказывается, мальчик ожидал, что ему дадут две денежки, а дали одну.

А вообще, много забавного случается с деньгами. Если не относиться к ним слишком серьезно. *рп*

кирилл калинников/ ria новости

Деньги матери

текст: дмитрий быков рисунок: маша сумнина

Писатель Дмитрий Быков рассказывает про свою маму, и дай Бог каждому так рассказать про свою. «Сын виноват всегда» и «мне теперь вообще не для кого стараться» — попробуйте себе в таком признаться, и вы поймете, может быть, что значит написать такую колонку. Но у нас — можно.

МАТЬ оставила мне довольно много денег, но я не могу ими воспользоваться. Тут есть над чем подумать, хотя обо всем, что с ней связано, мне думать невыносимо. Когда умерла мать, со мной случилось худшее, что я мог себе представить, то, чего я всю жизнь боялся, то, из-за чего моя жизнь постоянно обрастала новыми ритуалами, хотя причину их происхождения я прекрасно понимал. Теперь мне вообще не для кого стараться, в том числе в литературе. Дети обойдутся без моих литературных успехов, жена тем более меня любит не за это. Мать мной гордилась, хотя бы перед друзьями, а больше мной никто не гордится. Это верно, впрочем, применительно ко всем. Вы можете быть нужны многим, но гордятся вами только родители. Дети могут гордиться в лучшем случае вашими возможностями.

Мать никогда не брала у меня денег, всучить ей хоть что-то всегда было проблемой. Я придумал для этого довольно надежный способ — привлек ее к составлению композиций, которые начитывал в качестве аудиокниг, и она бралась за это и делала, как всегда, безупречно: отбирала рассказы Паустовского, главы «Войны и мира», лучшие повести Тургенева, — я ей потом вручал долю в специально реквизированных для этой цели конвертах с маркировкой издательства. Все эти конверты я нашел у нее нераспечатанными. Она отнюдь не брезговала моими деньгами, но у нее был принцип — ничего на себя не тратить; в этой аскезе, как у лучших людей ее поколения, был источник душевных сил. Она опиралась только на себя и этим гордилась. Работы ей хватало до последнего дня, к ней стояла репетироваться очередь из старшеклассников, и не всегда это было связано с необходимостью поступать в институты (сейчас пошли такие родители и такие абитуриенты, что поступление в любой вуз покупается на раз): это следующее поколение ее выпускников обеспечивало своим детям нормальное развитие, а себе — сносную старость. Ужасно же стареть рядом с идиотом. Поэтому репетиторская работа была и помогала ей вставать по утрам и самоорганизовываться, не впадая в обычную стариковскую депрессию.

Я, в общем, такой же. Мне важны не деньги, которые платят за работу, а востребованность. В старости я, кажется, готов буду клеить коробочки, как в «Королевском парке». Это про меня еврейский анекдот — «во-первых, навар, а во-вторых, я все-таки при деле». Ничего не поделаешь, нас так учили: человек нужен, пока нужен, востребованность — главный показатель, самодостаточности не существует. Я думаю, это по крайней мере трезвый взгляд.

реклама
СБЕР Прайм +

Мать копила деньги не на меня, она хотела обеспечить себя на то время, когда не сможет работать, чтобы ни от кого не зависеть и никого не отягощать; правда, представить себе время, когда она не смогла бы работать, я не могу, она и в Склифе объясняла молоденьким медсестрам, почему «Отцы и дети» так называются. И когда рядом с ней в реанимации буянил доставленный туда алкаш, она одна по-учительски сумела его утихомирить. Состояние зависимости вообще было не по ней. Но вышло так, что ей эти деньги не понадобились. Я мог отправить ее в платную больницу и сам эту больницу оплатить, но скорая сказала: лучше всего Склиф, там лучшие профессионалы. Эти профессионалы мне сразу сказали, что в ее возрасте шанс невелик, но будем стараться. Наверное, они старались. Претензий к ним у меня нет, хотя, наверное, в платной ей уделяли бы больше внимания, больше разговаривали, — зато не факт, что пускали бы меня, а здесь пускали, и это нам обоим было нужно. Так что потратить деньги на больницу она не успела, и теперь они достались мне — как положено, через полгода. Полгода выжидают нотариусы на случай, что появятся другие наследники. В нашем случае таких наследников нет.

В силу того, что у матери был хороший вкус, воспитанный семьей, старой профессурой и русской классикой, я был избавлен от неизбежных, казалось бы, разговоров о том, что я единственная надежда и опора и должен вести себя соответственно. Хороших сыновей не бывает, или, верней, это понятие временное, окказиональное, как счастье. Примерно так и с любовниками: в разгар романа тебе всегда говорят, что ты лучший и что до этого она ни с кем ничего не чувствовала, а ретроспективно, следующему, обязательно говорят, что ты был эгоистом и думал только о своем удовольствии. Так и хорошим сыном бываешь в немногие минуты душевной гармонии, а в любом разговоре с подругой обязательно выходишь неблагодарной сволочью, которая неправильно выбрала жену, плохо воспитывает собственных детей и редко звонит. Про меня всего этого набора пошлостей никогда не говорили. И тем не менее хороших сыновей не бывает — так же, как, согласно формуле Маши Трауб, нет правильных родителей: мы виноваты уже хотя бы тем, что переживаем матерей, а если не переживаем, это еще хуже, мы их бросаем сиротами. Получается неразрешимая ситуация: я всегда хотел быть для матери хорошим, для других никогда, потому что цену этим другим я примерно знаю, а для нее хотел; и именно это как раз невозможно. Потому что сын, называющий себя хорошим, — это примерно как человек, заявляющий, что он прожил прекрасную жизнь, что он этой жизнью вполне доволен. Такому человеку можно было, я думаю, вовсе не родиться, ничего бы принципиально не изменилось. Если человек после пятидесяти считает, что его жизнь прошла не зря, — вы можете быть стопроцентно уверены, что имеете дело либо с эго-маньяком, либо с серьезным грешником. Это как в главном правиле здоровья: если после шестидесяти у вас с утра ничего не болит, значит, вы не проснулись. Я не был хорошим сыном уже потому, что мать жила одна, хоть я и бывал у нее почти ежедневно, потому что жил всегда по соседству. Могу себе представить, во что превратилась бы ее жизнь, если бы к ней в квартиру вперлись мы с Катькой (а такой опыт был), а потом еще и с бэбзом, тетешкать которого она отнюдь не стремилась, — но даже с регулярными визитами коллег и с помощницей по хозяйству она все-таки была одна, и это был ее выбор, в котором я ничего не мог изменить. Я был бы виноват при любом раскладе, потому что сын виноват всегда. Из-за этой внутренней вины я не могу воспользоваться ее деньгами. По сравнению с моими собственными заработками, учительскими и книжными, это не такие большие деньги, но дело не в их количестве. Я не совсем могу объяснить отношение к ним — это примерно как если бы от нее осталось старое домашнее